

заменить собой старых приоров, изменить в городе порядки по своему усмотрению. «Но ваш план не удался, — с удовлетворением отмечает автор, — и тощий народ не поверил вам ни в чем и захотел власти для самих себя».²³⁹

Действительно, фактическое господство чомпи, опирающихся на цеховую массу, не допустило захвата власти «жирными» пополанами из партии Восьми, несмотря на то, что чомпи обманывались на счет истинных целей этой группировки.

Но если партии Восьми не удалось овладеть властью открыто и непосредственно, она прилагала все усилия к тому, чтобы оказать влияние на ход событий окольным путем. Еще во время выработки петиций в Сан Лоренцо одна из них, петиция цехов, была составлена под влиянием партии Восьми и включала многие из ее требований. Можно предполагать, что партия Восьми делала все возможное и для влияния на петицию чомпи, в частности в вопросе о составе синдиков чомпи. Можно предполагать, что появлению среди синдиков, избранных чомпи, такой личности, как Микеле ди Ландо, чомпи были обязаны агентам партии Восьми. Это подтверждается поведением Микеле с самых первых шагов его деятельности.

Обычно в работах, касающихся восстания чомпи, говорится, что о появлении Микеле ди Ландо нигде нет сведений. Это не совсем так. Действительно, до того как народ ворвался во дворец, о Микеле ди Ландо как об активном участнике восстания ничего не было известно. Поэтому появление его в списке синдиков, выдвинутых чомпи, трудно объяснимо. Правда, в этом списке много иных имен, о которых также ничего нельзя сказать, однако они остаются безвестными и в дальнейшем, в то время как имя Микеле внезапно выдвигается на первый план.

Как сообщает хронист — сторонник чомпи, «некий Микеле ди Ландо» появился на площади перед дворцом, перед тем как туда вошел народ.²⁴⁰

У хрониста сэр Нофри рассказывается, как Микеле ди Ландо было вручено знамя гонфалоньера справедливости. Этот рассказ представляется нам вероятным именно по отношению к человеку, который бы внесен в списки синдиков, но не участвовал в подготовке и проведении восстания. Когда «этот скверный народ» («il detto popolazzo»), как хронист называет чомпи, стал искать того, кто бы их возглавил, Микеле ди Ландо, который

²³⁹ «...credendo voi di rimanere signori... riformare la città a vostro modo per quel tempo paresse a voi. Ma il vostro pensiero venne manco, e non vi volle credere il popolo minuto di nulla cosa e volle la signoria per se» (там же, стр. 36).

²⁴⁰ «Allora si giunse in sulla Piazza uno Michele di Lando...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75).